

Проблема объективации понимания спорного текста в рамках судебной лингвистической экспертизы

 Н.Ю. Мамаев

ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации», Симферополь 295034, Россия

Аннотация. На примере анализа спорного текста рассмотрен ряд языковых явлений, затрудняющих интерпретацию текстов, таких как имплицитность выражения смысла, неполнота формальной (лексико-грамматической) структуры высказывания, наличие в тексте многозначных языковых единиц или языковых единиц, требующих специального семантизирующего или когнитивного понимания. Для однозначного понимания спорного текста и обоснования результатов лингвистического исследования требуется преодоление негативного влияния обозначенных факторов. Смысловое содержание анализируемого текста является двуплановым: часть его имеет неэксплицитное выражение и задействует уровень пресуппозиций текста, в связи с чем автор статьи проецирует план содержания на коммуникативную структуру текста с использованием описания, основанного на теории риторических структур. В результате представлен имплицитный план содержания спорного текста и интерпретированы его основные спорные смысловые компоненты. Проведенный анализ актуализировал несколько проблемных вопросов, связанных с объективацией понимания спорного текста, которые пока не могут быть разрешены однозначно. Это в первую очередь проблема приемлемости использования имплицитной информации в криминалистической перспективе и проблема устранения вариативности смыслового понимания спорных текстов, содержание которых недостаточно эксплицитно.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, спорный текст, смысловое понимание текста, имплицитное выражение, многозначность, пресуппозиционный план текста, теория риторических структур

Для цитирования: Мамаев Н.Ю. Проблема объективации понимания спорного текста в рамках судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 4. С. 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-6-18>

The Issue of Objectification of the Understanding of a Controversial Text within Forensic Linguistics

 Nikolai Yu. Mamaev

Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation, Simferopol 295034, Russia

Abstract. Based on the example analysis of a controversial text, the article addresses some linguistic phenomena making it challenging to interpret the texts, such as implicit expression of meaning, the incompleteness of the formal sentence structure, the presence of polysemantic components or linguistic components that require particular semanticizing or cognitive understanding. To precisely understand the controversial text and justify the results of linguistic research, it is necessary to overcome the mentioned factors' negative influence. The meaning content of the analyzed text is two-pronged: part of it has a non-explicit expression and involves a level of presuppositions of the text; therefore, the author of the article projected this content plan onto the communicative structure of the text using a description method based on the theory of rhetorical structures. As a result, an implicit content plan of the controversial text and the interpretation of its main controversial semantic components are presented. The analysis actualized several problematic issues related to the objectification of understanding a controversial text, which so far cannot be explicitly resolved. It is primarily the problem of the acceptability of the use of implicit information in a forensic perspective and the problem of eliminating the variability of the semantic understanding of controversial texts, the content of which is not explicit enough.

Keywords: *linguistic expertise, controversial text, semantic understanding of a text, implicit expression, polysemy, presuppositional level of a text, theory of rhetorical structures*

For citation: Mamaev N.Yu. The Issue of Objectification of the Understanding of a Controversial Text within Forensic Linguistics. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 6–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-4-6-18>

Введение

К настоящему моменту в экспертном сообществе практически достигнуто согласие в отношении того, какая филологическая дисциплина способна интегрировать теории, методы, подходы, применимые в прикладных целях в рамках лингвистической экспертизы. Решение экспертных задач, соответствующих этому роду судебной экспертизы, сопряжено с установлением значимых в криминалистическом отношении смысловых компонентов текста и осуществляется с применением процедур специальной метаязыковой рефлексии, направленной на исследуемый объект. В общем виде содержание исследовательской деятельности может быть определено как смысловой (семантический) анализ текста. Наиболее приспособлен для этого категориальный аппарат лингвистической семантики, поэтому сама лингвистическая экспертиза нередко получает второе название – семантическая. Так, О.В. Кукушкина следующим образом определяет содержание метода лингвистической (семантической) экспертизы: «Метод исследования заключается в экспликации смысловых компонентов, важных для решения вопроса (=результат, данные для решения вопроса), путем семантической декомпозиции и синонимического перефразирования смысла сообщения (=операциональная часть) на основе его лингвистического анализа (=научная база)» [1, с. 124], подчеркивая, что научной базой является лингвистическая семантика.

Необходимость обращения к научной базе лингвистической семантики связана как с общими требованиями соблюдения принципов объективности, всесторонности и полноты экспертного исследования, использования современных достижений науки, так и с вполне конкретной потребностью в универсализации лингвистического анализа, необходимой для преодоления негативных проявлений субъективного характера, свойственных деятельности эксперта-лингвиста, в которой эксперту принад-

лежит пассивная роль «наблюдателя». Это обозначение использует К.А. Долинин в его модели коммуникативной ситуации: «кроме неизменных участников коммуникативной ситуации – адресанта и адресата – существует еще один, факультативный – тот (или те), кому речь непосредственно не адресована, но кто в силу каких-то обстоятельств воспринимает и истолковывает ее (естественно, со своей точки зрения, исходя из своих интересов)» [2, с. 10]. Такая роль не предполагает какое-либо вмешательство в коммуникативное событие и предопределяет зависимость процесса понимания текста от апперцепционной базы конкретного интерпретирующего субъекта.

Используемое в лингвистической экспертизе терминологическое обозначение *спорный текст*¹ подразумевает, что смысл текста или отдельный его смысловой компонент могут быть оспорены по причине недостаточной ясности языкового выражения, вероятности нескольких альтернативных интерпретаций и т. п.; таким образом, лингвистическая экспертная деятельность предназначена разрешать возможные споры, связанные с интерпретацией смысла текста.

Процедура лингвистической экспертизы, как нам представляется, включает два этапа, на практике мало различимые: этап декодирования («вычитывания») смысла текста и этап объективации (обоснования)

¹ Определение объекта лингвистической экспертизы является предметом непрекращающейся полемики. Используемый нами термин «текст» следует трактовать достаточно широко, так как применять его приходится к разным видам реальных исследуемых объектов: текстам звучащим и визуальным, имеющим постоянный и переменный адресантно-адресатный состав, вербальным и поликодовым. Некоторыми учеными, в частности В.П. Москвиным, выдвигается справедливое, на наш взгляд, мнение о необходимости отказаться от жесткой системы критериев текстуальности [3, с. 197]. Думается, что это поможет снять вопросы, порождаемые существованием этой системы, например вопрос об объективности критерия когерентности или, в несколько упрощенной формулировке, вопрос, является ли осмысленность текста его имманентным свойством, и приводит ли нарушение смысловых связей в тексте к тому, что текст перестает быть текстом как объектом лингвистического исследования.

экспертного понимания смысла текста. Делая оговорку, что декодирование смысла и его объективированное представление во многом сходны, мы имеем в виду совмещенность их описания в заключении эксперта. Действительно, какую деятельность мы фактически осуществляем, оформляя в заключении, например, результаты дефиниционного анализа ключевых слов: поиск смысла или его объективизацию? Повидимому, и то, и другое. При этом именно наличие процедуры объективации выявленного смысла делает лингвистическую экспертизу таковой. Уловить некоторые смыслы эксперту может помочь его языковое чутье, но для аргументированного представления понимания необходима более глубокая степень метаязыковой рефлексии, предполагающая целенаправленную фиксацию языковых значений с опорой на научно выверенный инструментарий.

Однако в экспертной практике нередки ситуации, когда смысл текста очевиден, а лингвистический анализ превращается в терминологически усложненный пересказ его содержания, в связи с чем по-прежнему актуальны вопросы: как часто проведенный лингвистический анализ реально способствует пониманию смысла текста – и способствует ли вообще? К сожалению, приходится констатировать, что в реальности представления, касающиеся даже самых универсальных критериев, по которым могла бы быть оценена достаточность лингвистической обработки исследуемого материала, у двух экспертов-лингвистов могут существенно различаться. В этом плане показательно, что претензии, которые часто можно встретить в рецензиях на заключения экспертов по лингвистической экспертизе, касаются одновременно и голословности, и чрезмерной наукообразности проведенного анализа. Отметим также, что в экспертной среде и у инициаторов экспертных исследований устойчива тенденция критичного отношения к плюралистическому представлению смысловых интерпретаций текста как к проявлению слабости эксперта, излишней умозрительности и некатегоричности его рассуждений.

Очевидно, что под воздействием того же негативного фактора субъективности эксперту-лингвисту бывает трудно избежать некоторой поверхностности проводимого анализа. Не все спорные смыслы экспертом воспринимаются как таковые и фиксируются в заключении. И если при анализе текста, смысл

которого буквален, процедура объективации, действительно, может показаться излишней, то в более сложных ситуациях исследование, управляемое только языковой интуицией эксперта, может пойти по ложному пути.

Лингвистические факторы, затрудняющие смысловое понимание²

1. Неполнота формальной (лексико-грамматической) структуры высказывания – пропуск в тексте каких-либо языковых единиц.

2. Недостаточность собственно языковых знаний для анализа текста – наличие в тексте языковых единиц, требующих специального семантизирующего или когнитивного понимания.

3. Многозначность употребленных в тексте языковых единиц, не устраняемая контекстом или конситуацией.

4. Имплицитность выражения смысла – передача наряду с информацией, выраженной в тексте в явном виде, невербализованных смыслов, вытекающих из эксплицитно выраженных семантических элементов, из их соотношения и взаимодействия.

Для каждого из обозначенных факторов можно привести многочисленные примеры, с которыми постоянно сталкиваются на практике эксперты-лингвисты. В рамках настоящей статьи мы проанализируем текст, в котором они оказались совмещены.

Объект лингвистического исследования – спорный текст (СТ) – запись в социальной сети «ВКонтакте» на странице пользователя Дмитрий Б. (адресант 1). В сообщении адресанта 1, помимо его собственного текста, имеется текст, размещенный в той же сети пользователем Макс К. (адресант 2) – опорный текст (ОТ) (см. табл.).

² В принципе, все приводимые далее факторы обусловлены асимметричностью планов содержания и выражения, свойственной языковым знакам, в связи с чем можно говорить и о меньшем количестве факторов, как, например, в следующей цитате Б.А. Успенского: «Возможность неадекватного понимания обусловлена прежде всего двумя причинами: 1) эллиптичностью текста и 2) многозначностью составляющих его элементов. С одной стороны, адресант, как правило, не сообщает всей информации, относящейся к той или иной ситуации, а именно, он не упоминает о том, что ему представляется очевидным, само собой разумеющимся. Адресат, в свою очередь, должен восстановить эту отсутствующую в тексте информацию, и если он не знаком с ситуацией, о которой идет речь, ему приходится восстанавливать недостающую информацию более или менее произвольным образом. <...> С другой же стороны, употребляя те или иные слова, адресант может не отдавать себе отчета в их многозначности. Характерно в этом плане, что для говорящего вообще не существует омонимии; она в принципе может существовать только для слушающего» [4, с. 110].

Таблица. Схематичное представление контекста спорного текста
Table. Schematic representation of the context of the controversial text

Спорный текст	Опорный текст
<p>Адресант 1: Дмитрий Б. Время размещения: 11 августа 2013 г. в 6:36</p>	<p>Адресант 2: Макс К. Время размещения: 11 августа 2013 г. в 4:37</p>
<p>Согласен с Максом, террор должен стать модой в самых широких слоях населения</p>	

СТ в коммуникативном плане является реакцией на ОТ и содержит 1) явно выраженную апелляцию к адресанту 2 в форме согласия и 2) утверждение, которое по содержанию связано с тем, с чем согласен адресант 1³. Таким образом, СТ реализуется в контексте ОТ–СТ.

На смысловое понимание представленного СТ негативное влияние оказывают обозначенные нами выше четыре фактора. Охарактеризуем подробнее, в чем, собственно, оно проявляется.

1. Семантически емкий компонент «Согласен с Максом» сигнализирует о наличии имплицитного пресуппозиционного плана, обеспечивающего смысловую связность СТ и ОТ.

2. Смысл СТ выражается через отсылку к ОТ, однако и его содержание эксплицировано не полностью: оно характеризуется, во-первых, в соответствии с жанровыми особенностями демотиватора, смысловой неоднородностью, двусмысленностью, косвенностью выражения, а во-вторых, наличием соответствующих данному тексту прагматических пресуппозиций, или коннотативного лексикода (термин У. Эко⁴), кото-

рые соотносятся с идеологической позицией адресанта 2.

3. ОТ имеет неполную лексико-синтаксическую структуру. Незамещенная синтаксическая позиция ОТ восстанавливается с помощью невербального компонента; таким образом, понимание ОТ затрудняет его поликодовый характер.

4. Смысл, представленный словосочетанием «либеральные митинги», не развернут – следовательно, для анализа ОТ необходимо когнитивное понимание обозначенного при помощи данной номинации явления.

5. В части СТ «...террор должен стать модой в самых широких слоях населения» конструкция «должен стать» потенциально выражает два модальных значения: деонтическое и эпистемическое.

6. Словосочетание СТ «стать модой» характеризуется многозначностью, не устранимой контекстом.

Очевидно, что для понимания СТ необходимо устранить или минимизировать негативный эффект описанных явлений. Проведем семантический анализ спорного текста с акцентом на его проблемных местах.

Лингвистический (семантический) анализ

1. *С чем согласен Дмитрий Б.*⁵ Для ответа на вопрос остановимся на коммуникативной структуре исследуемого объекта,

³ Изъяснительный характер второй части сложного предложения СТ задан семантикой предиката первой части, который имеет незаполненную актантажную позицию дополнения, соответствующую в смысловом плане ответу на вопрос *согласен с чем?*

⁴ См., например, рассуждения Умберто Эко (Umberto Eco) по поводу коннотативных лексикодов лозунга «Рабочим следует быть на месте» [5, с. 90–91].

⁵ Здесь и далее формулировки вопросов задают направление нашего анализа, их содержание не следует воспринимать буквально.

специфика которой заключается в особом способе взаимодействия (диалогичности) СТ и ОТ. В СТ имеется эксплицитная отсылка к содержанию ОТ, при этом, чтобы интеракция, осуществляемая адресантом 1 посредством СТ, не была в коммуникативном плане нулевой, необходима тематическая прогрессия, при которой смысл СТ будет приращением смысла ОТ. Характер данной интеракции может быть обозначен термином О. Йокоямы «добровольный вклад». Добровольный вклад – промежуточный тип высказывания, который характеризуется особыми отношениями с предыдущим контекстом и имеет общие характеристики как с инициальными (иллокутивно независимыми), так и с неинициальными (иллокутивно зависимыми) актами. «Добровольный вклад должен, по определению, быть связан с предшествующим высказыванием, и, когда такая связь имеет место, существует две ее разновидности: звенья по тождеству (тождественная связь) и звенья по ассоциации (ассоциативная связь), которая может быть самой разнообразной – от принадлежности к одному множеству до связи, устанавливаемой посредством экстралингвистического знания» [6, с. 174].

Поскольку передаваемое при помощи СТ и ОТ содержание является многоплановым (включает как эксплицитно выраженные пропозиции, так и имплицитную информацию), для описания коммуникативной структуры анализируемого объекта воспользуемся в качестве аналитического инструмента терминологическим аппаратом теории риторических структур (RST). Авторы теории Уильям Манн (William C. Mann) и Сандра Томпсон (Sandra A. Thompson) определяют RST как лингвистически полезный метод описания естественных текстов, характеризующий их структуру с точки зрения отношений, которые существуют между частями текста [7]. Одним из основных понятий теории риторических структур является понятие риторического отношения, используемое для формального представления смысловой связности дискурса с обращением к языку естественной логики. Риторическое отношение (РО) представляет собой семантический предикат – «...ядро пропозиции как логического (ментального) представления некой элементарной ситуации» [8]. Практическое применение основных идей и терминологии RST в рамках семантической экспертизы продемонстрировано в статье Д.С. Кондрашовой и И.М. Кобозевой [9].

Контекст ОТ–СТ включает четыре клаузы (элементарные дискурсивные единицы).

π_1 : *Единственный аргумент, который готова слышать власть.*

π_2 : *Для всего остального есть либеральные митинги.*

π_3 : *Согласен с Максом.*

π_4 : *Террор должен стать модой в самых широких слоях населения.*

Каждая клауза, помимо эксплицитно выраженных значений, содержит языковые показатели имплицитной (пресуппонируемой) информации. В π_1 на нее указывает неполная формальная структура предложения, в π_2 – конструкция с реализуемым противопоставлением «для всего остального», в π_3 – отсылка к содержанию другого текста, в π_4 – актуальное членение предложения⁶.

Клаузе π_1 предшествует нулевой вербальный контекст, однако за счет нахождения ее в позиции подписи к иконическому компоненту в смысловую структуру текста включается имплицитное содержание.

Между клаузами π_1 и π_2 имеется РО *контраст* (*contrast*)⁷, которое выражено при помощи бессоюзной синтаксической связи с подразумеваемым сопоставлением/противопоставлением (эксплицитному способу выражения риторических отношений между клаузами π_1 и π_2 наиболее соответствовала бы синтаксическая конструкция с союзом *а*). В качестве связующего элемента клауз π_1 и π_2 можно обозначить тему выражения гражданами волеизъявления (протеста), вербальными репрезентантами которой являются слова и словосочетания: *аргумент, готова слышать, власть, либеральные митинги*. При обновлении структуры дискурса на основании риторических отношений клауз π_1 и π_2 имплицитно (пресуппонируется) следующее недоопределенное семантическое содержание: 1) иконический компонент получает значение способа выражения волеизъявления (протеста); 2) актуализируется пресуппозиция *‘власть не слышит аргументы (или не прислушивается*

⁶ При любом варианте актуального членения π_4 происходит импозиция темы, то есть помещение в позицию темы смыслового компонента, который не был явно обозначен в предшествующем контексте.

⁷ Для данного вида риторических отношений существенно, что ситуации, представленные в этих двух (π_1 и π_2) ядрах: (а) понимаются как одни и те же во многих отношениях, (б) понимаются как различающиеся в некоторых отношениях и (в) сравниваются в отношении одного или нескольких из этих различий [7].

к ним), которые звучат на либеральных митингах'.

Клауза π_3 представляет оценочный комментарий по поводу ситуации, представленной в ОТ, за счет чего между клаузами π_3 и π_1, π_2 реализуется РО *оценка (evaluation)*⁸. В обновленной после клаузы π_3 структуре дискурса 1) фиксируется смена адресанта; 2) адресанту 2 приписывается точка зрения, соотносимая с клаузами π_1 и π_2 ; 3) адресант 1 солидаризируется с адресантом 2 в плане смысла, выраженного в ОТ.

Клауза π_4 вводится как элемент дискурса, непосредственно принадлежащий адресанту 1. Клаузы π_4 и π_3 связаны риторическим отношением *детализация (elaboration)*⁹. Вводимый смысловой компонент 'террор' приспособляется в обновленной структуре дискурса во взаимодействии с невербальным компонентом.

В рассматриваемой риторической структуре существенен характер связи между клаузой π_4 и клаузами π_1 и π_2 . Важную роль в организации смысловой связности СТ и ОТ играет клауза π_3 . Метаречевой характер клаузы π_3 обеспечивает установление отношений на уровне прагматики между элементами дискурса, принадлежащими разным адресантам: за счет выраженной в клаузе π_3 солидаризации с позицией адресанта ОТ обозначается смысловая преемственность СТ по отношению к ОТ. Текст, продуцируемый адресантом 1, не является простым перефразированием текста адресанта 2, о чем сигнализируют разные модально-временные характеристики высказываний; таким образом, в смысловом плане клауза π_4 является развитием клауз π_1 и π_2 . Утверждение, оформленное в клаузе π_4 , производится от лица адресанта 1 и представляет инференцию, выводимую из опорного текста, за счет чего смысловое содержание СТ достраивается на фундаменте ОТ. Связь между текстами имеет характер импликации с подключением имплицитного плана, включающего все релевантные пресуппозиции, связанные с властью, народом и способом выражения волеизъявления на-

рода, позволяющие рассматривать клаузу π_4 в качестве следствия из ОТ¹⁰.

Нам представляется, что на данном этапе анализа, ввиду отсутствия эксплицитных средств выражения, нельзя однозначно определить разновидность реализуемого между клаузами π_4 и π_1, π_2 риторического отношения без углубления в смысловое содержание СТ и ОТ. Употребление в клаузе π_4 предиката долженствования *должен* сигнализирует о каузативном характере риторических отношений. Так, в статье И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер [11], посвященной семантике модальных предикатов долженствования, инвариантное значение предикатов долженствования увязывается с каузальными отношениями ситуации Р, представленной в сентенциальном дополнении (П) при предикате (Д), с другой ситуацией Q, мыслимой в качестве причины ситуации Р. Данное значение может быть представлено в виде формулы Д (П) = N (Q → Р), в которой N – модальный оператор необходимости.

Обозначим два возможных варианта каузальных риторических отношений: каузальные эпистемические (долженствование обусловлено нормой развития ситуации) и каузальные деонтические¹¹. В первом случае имеет место РО *прогноз (prediction)*¹²: положение дел в π_1 и π_2 является основанием для умозаключения (предположения) адресан-

¹⁰ Модель текстовой импликации, основанной на имплицитном пресуппозиционном слое текста, представлена в работе Л.В. Лисоченко [10]. Соотнесение имплицитного и импликационного описывается при помощи формулы (Э→З) Л → И: «адресат эксплицитно выраженную мысль автора (Э) сочетает со своими знаниями (З) и, применяя логическое правило (Л), извлекает имплицитное (И) из такого сочетания» [10, с. 10], в которой «→» знак производности, извлечения, а «---» знак сочетания. Особая роль в этой модели отводится пресуппозиции, которая «является частью семантической структуры текста на его глубинном уровне и вместе с эксплицитным, вербализованным, смыслом, воплощенным в поверхностной семантической структуре текста, «работает» на выражение и восприятие имплицитной, предназначенной для сообщения информации» [10, с. 13].

¹¹ Здесь и далее идет речь о волитивной разновидности деонтической модальности – долженствование обусловлено отношением к ситуации адресанта.

¹² Данный вид риторических отношений является сложным, включающим РО *свидетельство (evidence)* и *неволитивная причина (non-volitional cause)*. А.А. Сусов описывает это следующим образом: «...в эпистемических отношениях, основанных на каузальной связи событий (causality-based epistemic relations), сегмент, описывающий причину А в реальном мире, является одновременно основанием для вывода относительно следствия Б; другими словами, имея некоторую наличную ситуацию А, автор высказывания делает прогноз, какие следствия Б из этой ситуации, вероятно, имеют или будут иметь место» [8].

⁸ Этому риторическому отношению соответствует следующий характер взаимодействия ядерной клаузы N и клаузы-сателлита S: S связывает ситуацию в N со степенью положительного отношения автора к ситуации, представленной в N [7].

⁹ Отношения ядерной клаузы N и клаузы-сателлита S при детализации: S представляет дополнительную информацию о ситуации или некотором элементе предмета, который представлен в N или логически доступен в N [7].

та 1 о высокой вероятности осуществления ситуации, представленной в π_4 ; во втором случае мы имеем дело с риторическим отношением *обоснование* (*justify*): положение дел в π_1 и π_2 подтверждает мнение адресанта 1 о необходимости осуществления ситуации, представленной в π_4 . При эпистемических отношениях имеет место констатация варианта развития ситуации, подкрепленная естественной логикой ее развития, при деонтических – выражение желания адресанта 1 основывается на его убежденности в правильности обозначаемого варианта развития ситуации, в связи с чем апелляция к ОТ делает сообщение адресанта 1 более мотивированным (в отличие от эпистемической модальности, для которой мотивировка автора текста несущественна)¹³.

2. *Содержится ли в СТ или ОТ утверждение о том, что террор является единственным аргументом, который готова слышать власть?* Несколько забегаая вперед, мы уже ответили на этот вопрос в предыдущем пункте анализа; теперь остановимся подробнее на собственно семантических предпосылках сделанного нами допущения.

Риторическая структура с имплицитивными отношениями между частями СТ и ОТ предполагает, что суждения, составляющие умозаключение, должны иметь общие термины (субъекты или предикаты). Однако в эксплицитном виде в контексте ОТ–СТ таковые не представлены. При обращении к плану содержания ОТ, выраженному имплицитно за счет соотношения неполной лексико-синтаксической структуры ОТ с иконическим элементом, восстанавливается элемент пропозиции, который, для того чтобы контекст ОТ–СТ обладал когерентностью, должен соответствовать какому-то элементу пропозиции, представленной

в СТ¹⁴. Очевидно, что данное соответствие возможно только на уровне субъектов суждений, так как их предикаты явным образом различаются. Таким образом, чтобы тексты обладали смысловой связностью, субъект суждения в ОТ должен иметь конситуативное значение ‘террор’. Данное значение может быть восстановлено в смысловой структуре опорного текста контекстуально – через наложение идеи применения оружия, репрезентируемой метонимически посредством иконического компонента (изображения патронов), на актантную структуру ситуации убеждающего воздействия, соотносимой со словом «аргумент» («АРГУМЕНТ 1. ЗНАЧЕНИЕ. ‘Высказывание А2 человека А1, содержащее такое рассуждение или ссылки на такие факты, которые, по мнению А1, должны убедить человека или людей А4 в правильности идеи А3, защищаемой человеком А1, или неправильности идеи А3, защищаемой человеком А4 или каким-то другим человеком’» [13, с. 98]). При этом в репрезентируемой таким образом ситуации применения оружия актуализируется переносный смысл ‘использование оружия в качестве средства воздействия’. Актант «власть» в данной ситуации совмещает семантические роли экспериенса (при предикате восприятия «слышать»), адресата (адресата аргументации в ее расширитель-

¹³ Авторы теории риторических структур относят риторические отношения *обоснование* и *свидетельство* к одной подгруппе. РО *свидетельство* описывается при помощи следующих правдоподобных суждений (plausibility judgments): «R might not believe N to a degree satisfactory to W. The reader believes S or will find it credible. R's comprehending S increases R's belief of N» [7], в которых W – автор, R – читатель, N – ядерная клауза, S – клауза-сателлит. РО *обоснование* соответствует следующему описанию: «constraints on the N + S combination: R's comprehending S increases R's readiness to accept W's right to present N» [7]. Таким образом, *свидетельство* призвано повысить веру читателя в сообщение автора, в то время как *обоснование* предназначено для повышения готовности читателя принять право автора на это сообщение.

¹⁴ Здесь необходимо сделать два замечания, касающиеся оснований анализа креолизованного (поликодового) текста. Во-первых, следует понимать, что задействование невербального кода в интерпретируемом тексте не переводит осуществляемый нами анализ из лингвистической в какую-то иную плоскость. Мы разделяем позицию по этому вопросу А.П. Майорова, который решает проблему анализа поликодового текста в рамках традиционной лингвистической теории через использование понятия *конситуативное значение*, которое определяется им как «... смысл словесных оборотов (именных выражений, глагольных словосочетаний, высказываний), выходящий за рамки прототипического сигнификата слов и реализующийся в акте референции с опорой на невербальные знаки, которые используются в определенной коммуникативной ситуации» [12, с. 79]. При таком подходе невербальный компонент рассматривается не в качестве равноправной части текста, то есть непосредственного объекта семантической экспертизы, а в качестве элемента конситуации, который актуализирует смысл отдельных вербальных, прежде всего номинативных, элементов текста. Во-вторых, использование иконического компонента в тексте, даже в символической функции, в норме не требует какой-либо особенной, специальной компетенции помимо обычных экстралингвистических знаний эксперта. Здравый смысл также подсказывает, что определить общую идею или концептуальное значение иконического знака при его символическом употреблении гораздо проще, чем опознать в изображении специфицирующие признаки изображенного предмета (например, патрон какого калибра, от какого оружия и т. д.).

ном переносном понимании, связанном с развертыванием метафоры 'коммуникация народа с властью'), а также потенциального объекта действия, связанного с применением оружия. Ассоциируемые с ситуацией применения оружия смысловые компоненты 'угроза' и 'насилие' одновременно являются тривиальными компонентами лексического значения слова «террор». Как мы видим, использование слова «террор» в качестве средства номинирования ситуации мотивировано содержанием ОТ; вместе с тем оно является и некоторым ретроспективным преобразованием данного содержания адресантом 1 через проецирование своих пресуппозиций на смысловую структуру текста адресанта 2. Следовательно, пропозиция 'Террор – единственный аргумент, который готова слышать власть' может быть имплицирована в качестве пресуппозиции, обеспечивающей смысловую связность ОТ и СТ; однако фактическое отсутствие эксплицитной формы выражения позволяет рассматривать эту пропозицию только в качестве возможной инференции из ОТ.

3. При чем здесь либеральные митинги, и для чего остального они «есть»? ОТ имеет двухчастную структуру, оформленную в соответствии с типичным построением, характерным для такого жанра интернет-коммуникации, как демотиватор. Основная фраза крупным шрифтом «Единственный аргумент который готова слышать власть» и пояснение мелким шрифтом «Для всего остального есть либеральные митинги» в коммуникативном плане соотносятся как слоган и его расшифровка. Подобная структура предполагает, что вторая часть ОТ позволяет интерпретировать смысл первой. В риторической структуре ОТ между его первой и второй частями устанавливаются отношения противопоставления. На уровне поверхностной структуры данное отношение реализуется за счет того, что анафорический компонент «все остальное» во второй части соотносим со словосочетанием «единственный аргумент» как с наиболее вероятным антецедентом в первой части; таким образом, мы имеем антитезу типа 'один определенный X из множества Z' vs 'все остальные неопределенные представители множества Z'.

При более глубоком погружении в содержание ОТ обращает на себя внимание используемая во второй части синтаксическая

конструкция с семантикой предназначения и акцентом на компоненте «либеральные митинги». Национальный корпус русского языка не дает большого разнообразия примеров с использованием конструкции *для всего остального есть что-то*, что свидетельствует о ее окказиональном характере. Можно указать на рекламный слоган, эксплуатирующий данную конструкцию: «Есть вещи, которые нельзя купить. Для всего остального есть Mastercard». Данный слоган используется в качестве прецедентного текста для серии интернет-мемов, построенных по модели 'X – бесценно, для всего остального есть Mastercard' и выражающих значение повышенной ценности X для адресанта. В ОТ данная модель претерпевает значительную трансформацию – здесь акцент явным образом переносится на вторую часть; но и в таком виде может быть считано типовое значение противопоставления единичного уникального X всем другим, основанное на том, что этот X не может быть получен таким же способом, как все остальное. Так же как и в модели, используемой в рекламе Mastercard и ориентированных на нее интернет-мемах, X должен обладать качеством P, которое делает его уникальным в ряду других объектов. В отличие от типового развертывания используемой модели, при которой качество P не выражено явно, в ОТ это качество эксплицитно: аргумент X обладает качеством P – 'его готова слышать власть', которым не обладают остальные аргументы, соотносимые с таким привычным, предсказуемым способом борьбы, отстаивания своих прав, выражения протеста и т. п., как либеральный митинг. Таким образом, на глубинном уровне (в концептуальном плане) противопоставляются два способа действия: первый представлен как обычный, предсказуемый, ожидаемый и соотносится с обозначением «либеральные митинги», второй – уникальный и выпадающий из привычного ряда – связан с идеей применения оружия. Отметим два существенных для нашего анализа момента, связанных с реализацией смыслового компонента 'обычный способ'. Во-первых, если в прецедентном тексте компонент 'обычный способ' включен в бенефактивный контекст возможной покупки практически всего, за исключением отдельных бесценных вещей, то в ОТ с обычным, ожидаемым способом ассоциируется отсутствие положительных изменений ситуации, в связи с чем словосочетание «либеральные митинги» получает

отрицательные коннотации как вербальный репрезентант небенефактивного варианта развития ситуации. Во-вторых, со смысловым компонентом 'обычный способ' взаимодействует словосочетание «стать модой» в СТ (характеристики *модный* и *обычный* соотносятся в следующем синонимичном ряду: модный, популярный, широко распространенный, часто встречающийся, обычный), за счет чего также обеспечивается смысловая связность ОТ и СТ.

4. *Выражает ли обозначение «единственный аргумент» положительную оценку?* Прилагательное «единственный» может иметь следующий оттенок значения: 'такой, который необходим в данном случае, точно соответствует чему-либо', который может актуализироваться при контекстуальном выражении положительной оценки. Примеры предложений со словосочетанием «единственный аргумент» в значении 'единственный способ', представленные в Национальном корпусе русского языка¹⁵, немногочисленны и актуализируют значение вынужденности осуществления именно обозначенного варианта при отсутствии других вариантов, например: «В прямом военном столкновении с США у России сегодня и на обозримую перспективу есть только единственный аргумент – ее ядерные силы. Поэтому для пресечения американской (натовской) агрессии будет вынуждена применять ядерное оружие». Примеры употребления словосочетания «единственный способ» (более 900 контекстов по сравнению с единичными случаями со словосочетанием «единственный аргумент») показывают как минимум две тенденции, связанные с оценочным употреблением данного словосочетания.

Во-первых, при помощи него актуализируется значение вынужденности обозначенного варианта при отсутствии других вариантов или их ограниченном выборе (например: «И получается, что единственный способ стать «правильным» мигрантом – нарушить закон», «В Румынии очень низкий уровень жизни, для них гимнастика – едва ли не единственный способ выбиться в люди»). Негативный характер ситуации, обуславливающий выбор варианта, иногда специально маркируется: *к сожалению, единственный способ...; как это ни печально, но единственный способ...* и т. п.

Во-вторых, выражается значение необходимости осуществления варианта как единственно правильного с чьей-либо точки зрения (например: «Единственный способ выживания в глобальной депрессии – это модернизация инфраструктуры», «Высокие штрафы – единственный способ заставить людей отдавать 50 рублей за стоянку в центре»). Маркерами реализуемого значения являются следующие конструкции: *я считаю, что единственный способ...; мне кажется, что единственный способ...* и т. п.

Отсутствие маркеров выражения отношения в первой части ОТ допускает двойственность прочтения словосочетания «единственный аргумент»: и как вынужденного способа, и как единственно правильного. За счет реализованного во второй части противопоставления оформляется аксиологическая система ОТ с участием трех элементов: «единственный аргумент», «власть», «либеральные митинги». Последние два являются элементами небенефактивного сценария развития ситуации, поэтому имеют негативные значения на формируемой шкале оценки. Способ воздействия, связанный с использованием оружия, квалифицируется, во-первых, как единственно приемлемый в отношении власти, так как она способна воспринимать только такой способ, то есть власть заслуживает этого, во-вторых, как более эффективный по сравнению с либеральными митингами.

Следовательно, смысл ОТ может быть представлен следующим образом: 'Так как все остальные обычные способы, которые были задействованы на либеральных митингах, не оказывают воздействия на власть, то остается единственный способ, на который власть отреагирует, – взяться за оружие'. На фоне реализованного в ОТ противопоставления обозначение «единственный аргумент» выражает положительную оценку, которая может иметь двойственную мотивировку: способ воздействия на власть с использованием оружия представлен в ОТ либо как вынужденный, либо как единственно правильный.

5. *Что означает «стать модой»?* Не самый очевидный аспект интерпретации смысла СТ – наличие двух вариантов понимания словосочетания «стать модой». Формальная неправильность данного словосочетания устраняется трансформацией «стать модой – стать модным». Словосочетание «стать

¹⁵ <https://ruscorpora.ru/new/>

модой» / «стать модным» может актуализировать два смысла: 1) какое-то событие X станет распространенным, то есть будет часто встречаться; 2) какое-то событие X станет широко признанным, то есть будет вызывать положительное отношение у большей части общества. В первом понимании актуализируется значение увеличения количества событий типа X, во втором – качественное изменение отношения в обществе к событиям типа X. С учетом двух вариантов понимания словосочетания «стать модой» смысл СТ можно представить также двумя разными способами: «Согласен с Максом, должно увеличиться количество актов террора» и «Согласен с Максом, должно повыситься сочувствие к актам террора».

6. *Какое модальное значение соответствует в СТ конструкции с «должен стать»? Существенным лингвистическим фактором, затрудняющим понимание СТ, является двойственность выраженного значения долженствования. Форме «должен стать» могут соответствовать значения деонтической либо эпистемической модальности. Омонимия конструкции «должен стать» могла бы быть снята за счет использования вводных слов, усилительных частиц и других языковых и паравербальных средств, маркирующих отношение адресанта 1 к содержанию СТ: *вероятно, к сожалению, я думаю, именно, только* и т. п., однако адресант 1 не воспользовался этими средствами. Чтобы определить модальное значение конструкции с «должен стать», обратимся к риторической структуре контекста ОТ–СТ с учетом выводов, полученных в предыдущих пунктах проведенного анализа.*

СТ реализуется в рамках имплицативной модели как следствие, выводимое из эксплицитного содержания ОТ с опорой на релевантные пресуппозиции. Проведенный выше анализ показал, что включенность клаузы «террор должен стать модой в самых широких слоях населения» в риторическую структуру контекста ОТ–СТ может основываться на каузальном РО *прогноз*, соответствующем эпистемической модальности, или на каузальном РО *обоснование*, соответствующем модальности деонтической.

Ранее нами было установлено, что в ОТ выражена положительная оценка способа воздействия на власть, связанного с использованием оружия как наилучшего (единственно эффективного). Теперь нам предстоит оценить связующую логику, кото-

рая возможна для каждого варианта взаимодействия СТ с контекстом ОТ. Очевидно, что вне зависимости от того, чем мотивирована положительная оценка, соотносимая со словосочетанием «единственный аргумент»: отсутствием других способов (и как следствие оправданностью обозначенного способа) или его большей эффективностью по сравнению с другими способами, связующая логика для эпистемического и деонтического вариантов СТ может быть представлена следующим образом:

– связующая логика для эпистемического варианта: *‘высокая вероятность развития ситуации, связанной с распространением террора / ростом его популярности в обществе, обусловлена тем, что использование оружия является наилучшим (единственным эффективным) способом воздействия на власть’;*

– связующая логика для деонтического варианта: *‘необходимость (желательность для адресанта) развития ситуации, связанной с распространением террора / ростом его популярности в обществе, обусловлена тем, что использование оружия является наилучшим (единственным эффективным) способом воздействия на власть’.*

Каждый вариант построения риторической структуры контекста ОТ–СТ возможен, то есть не является аномальным в смысловом плане, при наличии соответствующих связующей логике релевантных пресуппозиций, задействованных в используемой имплицативной модели, однако степень задействования пресуппозиционного плана для каждого варианта разная. Так, связующая логика деонтического прочтения СТ основывается на естественной предрасположенности аксиологической модальности мотивировать конструкции с выраженной деонтической модальностью: *адресант желает, чтобы произошло что-то, так как, по его мнению, осуществление этого представляет собой наилучший (единственный эффективный) вариант развития ситуации.* Релевантная связующей логике пресуппозиция, или большая посылка используемой имплицативной модели: *логично желать осуществления наилучшего (самого эффективного) варианта развития ситуации.* Как видим, пресуппозиционный план, соответствующий деонтическому варианту, легко считывается. За счет выражения солидаризации адресанта 1 с адресантом 2 в СТ сохраняется положительное отношение к предмету высказывания, а утверждение о

необходимости развития ситуации, связанной с распространением террора / ростом его популярности в обществе, обосновывается положительной квалификацией террора как наилучшего (единственно эффективного) способа воздействия на власть.

Пресуппозиционный план, соответствующий эпистемическому варианту, не так элементарен, что объясняется наличием в его связующей логике изъяна, который заключается в совмещении двух имеющих различные основания оценок: 1) субъективная оценка эффективности обозначенного в ОТ способа воздействия на власть, 2) оценка вероятности обозначенного в СТ варианта развития ситуации. Очевидно, что положительная или отрицательная квалификация какого-то способа действия не может непосредственно влиять на вероятность развития ситуации, ориентированной на данный способ действия. Квалификация может непосредственно влиять на мотивацию субъектов, которые выбирают данный способ действия. Иными словами, развитие ситуации зависит от людей, которые определяют способ воздействия на власть, ориентируясь на свои представления о его эффективности. В связи с этим в пресуппозиционном плане риторической структуры, соответствующей выражению в СТ эпистемической модальности, должны быть задействованы как минимум следующие пресуппозиции: 1) *имеются какие-то люди («слои населения»), которые желают воздействовать на власть;* 2) *выбор способа воздействия на власть эти люди определяют самостоятельно;* 3) *люди стремятся использовать наилучшие (наиболее эффективные) способы воздействия на власть.* Как мы видим, количество необходимых релевантных пресуппозиций для эпистемического варианта как минимум в три раза больше, чем для деонтического варианта, что предопределяет интерпретацию СТ преимущественно в деонтическом ключе. Об эпистемическом варианте СТ мы можем сказать, что он гипотетически возможен, однако для его реализации требуется, чтобы основания прогноза в ОТ были выражены в более эксплицитном виде и не требовали задействования такого сложного пресуппозиционного плана.

Заключение

Проведенный семантический анализ, ориентированный на многоплановость выраженного содержания, позволил получить приемлемое формализованное описание

смысловой структуры анализируемого СТ, хотя нам и не удалось полностью ответить на все поставленные вопросы. В контексте ОТ–СТ нами обнаружено несколько узловых точек с исходящими из них альтернативными вариантами понимания. Языковые явления, имеющие место в этих точках, различны по своей природе и по-разному осложняют смысловое понимание спорного текста. Так, обозначение «либеральные митинги» осложнено в экстралингвистическом плане: оно обладает коннотативным оттенком, который не может быть установлен нами точно, но очевидно, что им мотивировано негативное оценочное значение, соотносимое с данным обозначением в контексте противопоставления, реализуемого в ОТ. Характеристика «единственный аргумент» является средством выражения положительной оценки в ОТ, однако, определяя ее конкретный эмотивный оттенок, мы можем лишь указать на спектр от вынужденности до правильности. Анализ конструкции с «должен стать» позволил сделать вывод, что ей более всего соответствует деонтическое модальное значение при возможном, хотя и значительно менее вероятном, эпистемическом. Словосочетание «стать модой» может иметь денотативное значение, связанное с количественным распространением событий, обозначенных как «террор», либо с качественным изменением отношения в обществе к данным событиям, либо совмещающее оба варианта; определить, какой из них подразумевает адресант 1, не представляется возможным.

Проведенный анализ позволил нам продемонстрировать также некоторые практические аспекты проблемы объективации понимания текстов, смысл которых эксплицитирован не полностью.

Во-первых, очевидным проблемным моментом объективации лингвистического анализа спорного текста является приемлемость использования имплицитной информации в криминалистической перспективе. В экспертной практике мы встречаемся с разнообразием анализируемых ситуаций: для некоторых спорных текстов не столь существенно, в какой форме, прямой или косвенной, выражен смысл; другие тексты более требовательны к критерию эксплицитности. Так, например, имплицитный характер таких продуктов речевой деятельности, как «скрытый призыв», «угроза-намек» и т. п., не позволяет говорить в ситуации их употребления о лингвистических признаках

речевого преступления, даже если их воз- действующий эффект будет таким же, как у их эксплицитных «собратьев».

Во-вторых, процесс смыслового анали- за текста достаточно часто приводит к си- туациям, когда выбор одного из вариантов понимания текста более или менее предпо- чителен по сравнению с другими. Здравый смысл подсказывает, что следование наи- более вероятному варианту приведет нас к правильному ответу в рамках поставлен- ной задачи, однако тот же здравый смысл должен, по-видимому, предостеречь нас от ответа в категоричной форме. Спорное по- ложение может быть представлено следую- щим образом: должен ли эксперт при объ- еktivации своего понимания учитывать все возможные варианты понимания и каким- то образом оценивать их вероятность, или он должен опираться только на наиболее вероятный, по его мнению, вариант? Естественно, мы говорим только о ситуаци- ях реальной множественности интерпрета- ций, к которым не относятся употребления двусмысленных высказываний в качестве риторических фигур.

И наконец, нужно помнить, что недо- статочная выраженность смысла текста или его отдельных смысловых компонен- тов – это данность текста, которую нельзя устранить, а можно лишь компенсировать посредством специальных лингвистических приемов. Смысловая структура текста до- страивается как проекция поверхностной структуры, при этом позиции смысловых компонентов, не получивших эксплицит- ное выражение, имплицитируются на основе языковых норм. Это означает, что лингви- стический анализ спорного текста ориенти- руется на некоторый соответствующий нор- ме вариант понимания. Однако всегда ли

оправдано приписывание анализируемым текстам имплицитных смыслов, обязатель- ность которых гарантируется только лишь постулатами «нормального» общения, ино- гда слишком искусственными, чтобы охва- тить все многообразие естественных ком- муникативных ситуаций? Типичным приме- ром являются неоднозначные, кажущиеся нам провокационными высказывания, ко- торые касаются порицаемых общественно опасных явлений нашей жизни (например, терроризм) и в силу своей недостаточной проясненности могут потенциально выра- жать смыслы, соотносимые с определен- ными речевыми преступлениями. В соот- ветствии с постулатами кооперативного общения мы ждем от авторов подобных тек- стов каких-либо языковых маркеров, указы- вающих на их отношение к этим явлениям и снимающих двойственность прочтения текстов, а при отсутствии таковых обвиняем авторов в умышленной конфликтогенности их высказываний. Но всегда ли отсутствие выраженного отрицательного отношения к порицаемым явлениям свидетельствует о положительном отношении автора к ним, и не противоречит ли способ доказывания, основанный на принципах кооперативно- го общения, более общему принципу пре- зумпции невиновности?

Как мы видим, применение методов формальной семантики наглядно представ- ляет проблемы лингвистического анализа спорного текста. Очевидно, что внедрение в практическую деятельность принципов строгого, системно выверенного метаязы- кового описания положительно отразится на объективности проводимого лингвисти- ческого исследования и в целом повысит достоверность судебной лингвистической экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кукушкина О.В. Методы анализа, применя- емые в судебной лингвистической экспер- тизе // Теория и практика судебной экспер- тизы. 2016. № 1 (41). С. 118–126. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-118-126>
2. Долинин К.А. Интерпретация текста. Фран- цузский язык. Учебное пособие. 4-е изд. М.: КомКнига, 2010. 304 с.
3. Москвин В.П. Методы и приемы лингвисти- ческого анализа. Монография. М.: ФЛИНТА, 2015. 224 с.
4. Успенский Б.А. *Ego Loquens: Язык и комму- никационное пространство*. М.: РГГУ, 2007. 320 с.

REFERENCES

1. Kukushkina O.V. Methods Used in Forensic Linguistic Analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 1 (41). P. 118–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-118-126>
2. Dolinin K.A. *Interpretation of a Text. The French Language. Textbook*. 4th ed. Moscow: KomKniga, 2010. 304 p. (In Russ.)
3. Moskvin V.P. *Methods and Techniques of Linguistic Analysis. Monograph*. Moscow: FLINTA, 2015. 224 p. (In Russ.)
4. Uspenskii B.A. *Ego Loquens. Language and Communication Space*. Moscow: RGGU, 2007. 320 p. (In Russ.)

5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. В. Резник и А. Погоняло. СПб.: Simposium, 2006. 544 с.
6. Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
7. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization // *Text*. 1988. Vol. 8. No. 3. P. 243–281. <https://doi.org/10.1515/text.1.1988.8.3.243>
8. Сусов А.А. Многоуровневый анализ риторической структуры / Тверской лингвистический меридиан. Вып. 6. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2006. С. 23–54.
9. Кондрашова Д.С., Кобозева И.М. Семантико-прагматическая теория репрезентации дискурса как средство повышения объективности семантической экспертизы текстов СМИ / Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект, 2011. С. 114–129.
10. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты). Монография. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. 151 с.
11. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Семантика модальных предикатов долженствования / Логический анализ языка. Культурные концепты. Сб. статей. М.: Наука, 1991. С. 169–175.
12. Майоров А.П. Коммуникативная ситуация и конситуативное значение в конфликтогенном креолизованном тексте // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 75–90. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2018\)7-807](https://doi.org/10.14258/leglin(2018)7-807)
13. Активный словарь русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. Т. 1. А–Б. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.
5. Eco U. *The Missing Structure. Introduction to Semiology* / Translated by B. Reznik and A. Pogonyalo. Saint Petersburg: Simposium, 2006. 544 p. (In Russ.)
6. Yokoyama O.B. *Cognitive Model of Discourse and the Russian Word Order*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. 424 p. (In Russ.)
7. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization. *Text*. 1988. Vol. 8. No. 3. P. 243–281. <https://doi.org/10.1515/text.1.1988.8.3.243>
8. Susov A.A. Multilevel Analysis of the Rhetorical Structure. *Tver Linguistic Meridian*. Issue 6. Tver: Tver State University, 2006. P. 23–54. (In Russ.)
9. Kondrashova D.S., Kobozeva I.M. Semantic-Pragmatic Theory of Discourse Representation as a Means of Increasing the Objectivity of the Semantic Expertise of Media Texts. In: Volodina M.N. (ed). *Language and Discourse of the Media in the XXI Century*. Moscow: Akademichesky Proekt, 2011. P. 114–129. (In Russ.)
10. Lisochenko L.V. *Statements with Implicit Semantics (Logical, Linguistic and Pragmatic Aspects)*. Monograph. Rostov-on-Don: Rostov University, 1992. 151 p. (In Russ.)
11. Kobozeva I.M., Laufer N.I. The Semantics of the Modal Predicates of Obligation. *Logical Language Analysis. Cultural concepts. Collection of Articles*. Moscow: Nauka, 1991. P. 169–175. (In Russ.)
12. Mayorov A.P. Communicative Situation and Consituative Meaning in Creolized Conflict-Instigating Text. *Legal Linguistics*. 2018. No. 7–8. P. 75–90. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/leglin\(2018\)7-807](https://doi.org/10.14258/leglin(2018)7-807)
13. Апресян Ю.Д. (ed). *Active Dictionary of the Russian Language*. Vol. 1. A–B. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 408 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамаев Николай Юрьевич – к. филол. н., старший эксперт экспертного отдела Северо-Кавказского филиала ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации»; e-mail: klammgarpe@mail.ru

*Статья поступила: 14.10.2020
После доработки: 13.11.2020
Принята к печати: 25.11.2020*

ABOUT THE AUTHOR

Mamaev Nikolai Yur'evich – Candidate of Philology, Senior Expert of the Expert Department of the North Caucasian branch of the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation; e-mail: klammgarpe@mail.ru

*Received: October 14, 2020
Revised: November 13, 2020
Accepted: November 25, 2020*